

Мария Косовская

СЛАВА

Эта женщина подошла ко мне за автографом последней. Она загадочно улыбалась и смотрела на меня без малейшего заискивания или умиления. Светлые прямые волосы по плечи, пробор точно посередине высокого скошенного назад лба. Очки в черной оправе и тонкие, насмехающиеся губы. Она чем-то неуловимо походила на ящерицу и была немолода (лет на двадцать, а может, и на тридцать меня старше), но в то же время ее лицо не было лишено благородства и некоторого высокомерия.

— Подпишите для Славы, — попросила она, протягивая мне раскрытую на форзаце книгу.

Мой дебютный и, как выразились критики, структурно выдержанный, не лишенный новаторства роман. Я, снова испытывая непонятную стыдливость, от которой, мне казалось, уже избавился, написал несколько приевшихся слов: «Для Славы от автора! На долгую память. Желаю приятного чтения!»

— Ваш успех ошеломителен, — сказала она.

Я не мог понять, с какой интонацией это прозвучало. Вопросительной? Утвердительной? Почему-то показалось — с издевкой. Я быстро посмотрел на нее. Тонкие губы улыбались, глаза лучились морщинками.

— Какой в наше время успех может быть у романа? Я, к сожалению или к счастью, не Джоан Роулинг, — попытался я шуткой снизить пафос комплимента, но, признаюсь, мне было приятно.

— Не скромничайте. Такой молодой автор, первое крупное произведение, и сразу столько внимания. Это дорогого стоит.

— Честно сказать, не знаю, как это произошло. Само собой как-то.

— Тем не менее я давно за вами наблюдаю. Вы — необычный молодой человек. У вас есть дар. Может быть, даже гений. Я это чувствую.

— Интересно, как?

— Я влюбляюсь в таких.

Она таинственно и несколько театрально сощурилась, по-прежнему непроницаемо улыбаясь. Мне показалось, что она чего-то ждет в ответ. Промелькнула мысль, что это маньячка. Мне рассказывали, что у некоторых женщин едет крыша на знаменитостях.

— Вы, наверное, думаете, что я сумасшедшая? — вдруг спросила она.

— Нет, с чего вы взяли. — Я засуетился, как подросток, которого застали за непристойным. — Мне пора. Издатель, наверное, ищет.

— Понимаю. Книжная выставка — это такая суматоха. Может быть, увидимся в более спокойном месте?

Навязчивые женщины — одна из моих фобий. Их я боюсь даже больше, чем оказаться раздетым в публичном месте. Каждый раз, когда женщина слишком откровенно делает первый шаг, я испытываю удушающее ощущение, будто меня заманивают в ловушку.

— Не думайте лишнего. Это деловая встреча. — Она успокаивающе дотронулась до моего плеча, и меня обдало жаром.

— Я сейчас очень загружен.

— Может, выкроите пять минут? Выпьем кофе.

— Деловая, говорите, встреча? А какие у нас дела?

Она склонила набок голову, и в зрачках ее проскочили синеватые искры, как у вспыхнувшей газовой конфорки.

— Хорошо, — согласился я, подозревая, что обрекаю себя на унылое свидание, во время которого буду выслушивать скучнейшие истории из серии «вот в мое время» и краснеть от назойливого и бездарного флирта пожилой дамы. И все же что-то заставило меня кивнуть.

— Тогда — до встречи!

Закончилась выставка, и снова началась обычная рутина. Мне казалось, что популярность изменит мою жизнь, но все осталось, как прежде. Я так же просыпался, завтракал, садился за работу, старался побыстрее ее закончить, чтобы хоть что-то написать. Пора было браться за новое, я просматривал и дописывал всякие наброски, увлеченно вживался в текст, который вполне мог стать сюжетом следующего романа. Он уже начинал выстраиваться в моей голове, но увидеть целиком весь замысел пока не удавалось. Мешало что-то беспокоящее, какой-то эмоциональный зуд. Неприятная вибрация на периферии ощущений. Что-то было не так, я чувствовал, но не мог осознать. Нужен был новый подход, иная

точка зрения. Я не находил, ждал толчок, искал новое впечатление. Пока же, как многие, прокрастинировал: скролил ленту, писал комментарии, лайкал фотки симпатичных девушек в сети.

«Михаил, помните, мы договаривались о встрече? Я устала ждать вашего приглашения и пишу сама. Давайте выпьем кофе. Гарантирую вам яркие впечатления для вашего нового романа». Сообщение пришло в мессенджер.

Откуда она узнала про роман? Хотя, понятно же. Все писатели постоянно пишут новый роман. Но как она узнала, что мне не хватает впечатлений?

Кофейню выбирала она. Это оказался невообразимо дорогой ресторан под названием «Сад». На вывеске красовалось откусанное яблоко. Оригинально!

Ко мне подошли сразу три безжалостно красивые девушки. Одна предложила взять зонт (на улице шел дождь). Вторая попыталась снять с меня льняной пиджак, давно принявший форму моего тела. Третья спросила, ожидают ли меня и есть ли бронь. Этот массажный прием практически парализовал мою способность внятно изъясняться. Отвоевав пиджак и пожертвовав зонтом, я, запинаясь и потея, объяснил, что у меня встреча с женщиной по имени Слава. Это было все, что я о ней знал. Но девушки, похоже, что-то поняли и присмирели. Одна из них махнула рукой и повела по залам, заросшим лианами, пальмами и папоротниками. Мы куда-то несколько раз повернули, спустились по лестнице, прошли коридор, в котором была череда распахнутых дверей, ведущих в кухню. Я почему-то подумал, что, в случае чего, не выберусь сам. Наконец мы юркнули в черную низкую дверь и оказались в отдельном, дорого отделанном кабинете. Круглый столик на замысловато растопыренных ножках стоял напротив массивного камина, в котором горел настоящий огонь. В одном из кресел, положив ноги на небольшую подставку, сидела Слава. Она потягивала через соломинку коктейль.

Услышав нас, она обернулась.

— А, Миша! Мишенька, присаживайтесь! Девушка, принесите меню.

— Честно сказать, не ожидал. — Я обвел взглядом кабинет, представляя себе ту сумму, которую придется заплатить за ужин. — Я думал, мы просто попьем кофе.

— Я и не планировала есть. Потребление пищи — процесс интимный. Но, может быть, вы голодны?

— Нет, спасибо. Я тоже предпочитаю есть дома.

— Здесь делают лучший кофе, в джезве на горячем песке. Я не признаю все эти капучино, фраппучино...

— Мы с вами похожи.

— Может, перейдем на «ты»?

Я кивнул и присел в соседнее кресло, ощутив на лице жар огня. Кабинет, несмотря на дорогое убранство, производил гнетущее впечатление. Возможно, из-за отсутствия окон. Языки пламени — единственное, что оживляло интерьер. В остальном же он казался тяжеловесным и мертвенным.

— В моем возрасте у людей начинается ревматизм, — кивнула она в сторону вытянутых к огню ног.

— Ты... Вы превосходно выглядите. — Полумрак делал ее лицо почти девичьим, впрочем, оставляя по-прежнему некрасивым.

— Если будет жарко... можно раздеться, — сказала она с паузой, будто у нее перехватило дыхание.

Я забеспокоился. Это намек? В груди что-то сдавило, и воздуха стало ощутимо меньше. Тихо, тихо, надо успокоиться. Никакой это не намек, а простая констатация факта. Если я не хочу — раздевать меня никто не будет.

Она одной рукой медленно развязала свой шейный платок. Шелковая ткань, похожая на кожу змеи, тонко зашуршала, вызывая у меня мурашки. Неужели она соблазняет меня?

— Что вы... ты хотела от нашей встречи?

— Выразить свое восхищение твоим талантом.

По внутренностям прошел ток удовольствия, но голос разума констатировал: «Да ты, дружок, падок на лесть».

— Спасибо. Приятно слышать. Моя мать никогда про меня так не думала. — Я сказал это, чтобы увеличить дистанцию, напомнив Славе про возраст, как бы намекнуть, что она напоминает мне мать.

— Правда? — Она искренне удивилась. — Как поживает твоя мама?

— Умерла.

— Ммм, — она жалостливо покачала головой и обняла себя за плечи. — Прости.

— Если бы она не умерла, я не написал бы свой роман. Так что, наверное, к лучшему. Мама считала, что я ни на что не гожусь. — Я зачем-то продолжал свою спонтанную откровенность.

— Моя мать тоже упрекала меня. Она хотела, чтобы я стала писательницей. Но у меня нет писательского дара, разве что самую малость, достаточную для того, чтобы отличать хорошего автора от графомана. Ты — хороший автор. Я могу тебе помочь.

— Спасибо! Приятно. Но как вы?..

— Давай об этом позже, после кофе. Ты, кстати, опять перешел на «вы». От этого «вы» я чувствую себя старухой.

— Прости, я ... Не в этом дело. Ты, правда, очень привлекательна.

— Я нравлюсь тебе? — Она перегнулась через стол и приблизилась.

Я ощутил ее дыхание и приторный мускусный аромат, которым маскируют запах стареющие люди.

— Как тебе мой парфюм?

— Я не слишком разбираюсь в запахах. — Я попытался улыбнуться, но получилось вымученно.

По ее лицу скользнуло разочарование, но потом она словно одернула себя.

— Ладно, не буду мучать тебя флиртом, вижу, тебе это неприятно!

Вежливость требовала от меня какого-то возражения, но я не мог ничего выдумать и, как идиот, молчал.

— Не волнуйся, я позвала тебя не за этим.

Вошел официант в белой рубашке и в длинном, черном фартуке.

— Нам, пожалуйста, два кофе. Ваш фирменный. — Она подмигнула, официант бесстрастно кивнул. — Миша, может выпьете чего-нибудь алкогольное? Виски? Коктейль?

— Я не пью.

— Так непривычно, что современные писатели не пьют. Это что-то новое в русской литературе.

Я по-прежнему молчал, мысленно проклиная себя за то, что приперся на эту встречу. Действительно, что, кроме скуки и творческого бессилия, толкнуло меня на такой поступок? Я же мог сказать, что занят, притвориться больным. Если бы на моем месте был не я, а мой герой, мне пришлось бы придумать ему мотивацию

поубедительнее. Когда у героя нет желания, он не будет действовать — это вам скажет любой начинающий сценарист.

— Расскажите о вашей матери, — попросила она голосом доброго психотерапевта.

И я обрадовался тому, что можно хоть о чем-то говорить, потому что молчание становилось невыносимым.

— Она была тяжелый человек. Таких сейчас называют токсичный.

— Понимаю. Она вас строго наказывала?

— Наказание — не проблема. Всех детей наказывают. Моя мать всегда знала, что и как надо делать. И не простила, если я делал что-то по-своему.

— Например?

— Для примера расскажу историю. В саду — это был, кажется, последний год перед школой — мы готовили ко дню матери концерт. Я должен был танцевать «яблочко». Дурацкий танец. Эх, яблочко, куда ты котишься, ко мне в рот попадешь, не воротишься. Мать погладила мне для выступления брюки. Что-то вроде форменных, со стрелками, в которых я выглядел как маленький морячок. Но я хотел надеть другие, вельветовые, с карманами. Они были на два размера велики, но мне казалось, что я буду похож на брейкера. Мать считала, что они не подходят и, кроме того, не будут держаться. Я уперся, решил, что надену только их. Мать в конце концов уступила, но пригрозила, что я сам буду во всем виноват. И вот выходим мы плясать, человек десять мальчиков. Во время первой же проходки мои штаны соскальзывают до колен. Дети, естественно, хохочут. Мама делают вид, что все в порядке. Я тяну штаны наверх. А моя мать кричит — не смей! Пусть будет тебе уроком. Я попытался сбежать из актового зала, она схватила меня за руку и приказала: пляши. И я плясал. Слезы по щекам, путаюсь в штанинах и танцую.

— Какой ужас.

— Я потому так подробно запомнил, что мать часто это гостям пересказывала. Любила посмаковать, как я вприсядку со спущенными портками ходил. А если мы с ней о чем-то спорили, всегда говорила: давай, опять будешь без штанов плясать. Думаю, от этого у меня и развилась гимнофобия.

— Гимнофобия?

— Боязнь наготы.

— Бедный мальчик. Я так тебе сочувствую.

Я посмотрел на нее. Лицо ее действительно выражало жалость, но при этом оставалось надменным. Брови скорбно приподняты, губы едва заметно растянуты в улыбке, мелкие ярко-белые зубы обнажены. Может, это эффект от косметических процедур. Я слышал, что они меняют мимику.

Нам принесли кофе. Небольшие, изогнутые, как женский стан, стеклянные чашечки. Аромат был не совсем кофейным, какой-то древесно-земляной, древний. Да и на вид напитков казался странным, на черной поверхности вспыхивали и гасли радужные, будто нефтяные разводы. Я неуклюже ухватился своими слоновьими пальцами за изысканную ручку, сделанную в виде древесной ветви, поднес чашку к губам и осторожно отпил. Кофе обжег язык, прокатился по небу, и рот наполнился звуками, воспоминаниями и историями. Именно так — вкус этого кофе состоял из всего, что только можно вообразить. Он гудел, звенел, пел, куда-то нес меня, словно на небесной колеснице. Я еще раз глотнул. Мир прояснился. Он стал светел, понятен и чист, но при этом остался сложен, многогранен и наполнен множеством связанных друг с другом смыслов. И в любом направлении, куда бы ни захотелось, я мог пустить свою мысль, как стрелу. Она бы полетела и достигла самого края познания, перелетела бы за него, осветила еще непознанное, расширяя границы доступной человечеству мысленной ойкумены. Я мог рассмотреть идеи, которых не видел до меня никто. Я мог поведать о них человечеству, одаривая последующие поколения на много лет. Я...

— Вам нравится кофе? — спросила Слава.

Я посмотрел на нее. Она преобразилась и теперь больше напоминала змею или ящерицу, нежели пожилую даму. Она была древней, очень древней, но при этом в ней струилась мощь, похожая на само время. Кожа ее искрилась, будто состояла из звездного сияния. Скулы отливали матовым серебром. Глаза сияли золотом, словно выстеленные фольгой, в центре лучились черные прорезы вертикальных зрачков. Я отшатнулся.

— Вы дали мне наркотическое вещество?

— Это напиток богов.

Я еще раз всмотрелся в нее, и в сердце моем зазмеился страх. Что это за существо, которое притворяется женщиной? Для моего

проникающего видения она оставалась непроницаемой. И в ее облике одновременно присутствовало человеческое и змеиное, одно сменяло другое мерцанием, как на голографической линейке, когда один образ проглядывает сквозь другой. Я как бы должен был сам выбрать, на какую ее личину смотреть. Я предпочел человеческую.

— Теперь давай поговорим. — Она сцепила пальцы, вывернула кисти, хрустнув суставами, будто разминалась перед игрой на пианино. — Тебе нравится это состояние?

Я промолчал. Мне кажется, мой вид был красноречивее любых слов.

— Это вдохновение. Оно приподнимает тебя над обычным человеческим сознанием, дает перспективу, заостряет мысль. Ради этого столько тысячелетий люди берут в руки перо, истязают себя муками одиночества, живут впроголодь или зарабатывают копейки. Но оно приходит не ко многим. Некоторые всю жизнь видят лишь отблеск его и никогда не бывают захвачены им полностью, как ты сейчас. Но даже ради этого они готовы на многое. А вот на что готов ты?

— Не понимаю ва... Тебя.

— Я могу сделать так, чтобы романы сыпались из тебя, как из рога изобилия. И это будут такие романы, за которые лучшие издательства начнут грызть друг другу глотку. Они будут предлагать тебе баснословные гонорары, потому что их прибыли окажутся еще больше. Я предлагаю тебе себя, то есть славу.

— Но как? Вы будете поить меня этим веществом?

— Дело же не в напитке. Ты видишь, кто я?

— Богиня? — спросил я с некоторой боязливостью, но и с усмешкой. Казалось, она разыгрывает меня.

— Именно, — ответила она вполне серьезно. — Я богиня, дарующая вдохновение и славу. Благословляющая на творчество. Все по-настоящему известные люди служили мне. Я предлагаю тебе стать одним из них.

— Предположим, я соглашусь. Что я должен делать? — Разговор все более казался мне неправдоподобным.

— Мы будем встречаться примерно раз в месяц. Пить амброзию, разговаривать. И ты станцуеть для меня «яблочко». Без штанов.

— Что? — Ворот растянутого свитера стянулся на горле. Стало тяжело дышать.

— Тихо, тихо! Успокойся. В этом нет ничего унижительного для тебя. Но ты же понимаешь, за все нужно платить. И потом, что такое писательство? Разве не бесконечное расковыривание душевной раны на глазах других? В твоём случае смотреть буду только я.

Я сидел неподвижно. Делая глубокие вдохи и выдохи и стараясь не думать. Сперва нужно было подавить приступ. Вдохновение, которое еще до сих пор переливалось внутри меня, давало возможно взглянуть внутрь себя, в самую мою рану, в то место, откуда росли и моя неуверенность, и боязнь людей, и, особенно, неприятие своего тела, отвращение столь сильное, что легче, казалось, убить себя. Да, сейчас у меня хватало сил посмотреть в глаза своей панике. И для меня в один миг связалось все. Во всем я увидел смысл и своеобразную красоту. Мой танец «яблочко», успешный первый роман, кафе «Сад», чашка в виде женской фигуры. Мой собственный комплекс неполноценности, который привел сюда. Теперь я мог из этих деталей, из разноцветных ниточек моей судьбы сплести потрясающей красоты узор.

— Вдруг это ложь? — спросил я будто бы сам себя.

— Все — ложь. Сейчас ты видишь красоту, а не правду. Но правдой ее делает твоя вера в нее.

— Не знаю. Быть может, на меня действует наркотик. Я слышал, люди под ЛСД тоже могут видеть многое, например, свои прошлые жизни. Мало ли бывает галлюцинаций. Я допускаю, что и сам нахожусь в одной из них.

— Человеческая жизнь — довольно просто устроенная галлюцинация. Так что какая разница, в иллюзии ты или нет. Главное, видишь ли ты в этой иллюзии смысл. Нарратив — это свойство, которым человеческое сознание наделяет время и самого себя.

— А что же тогда время, если не нарратив.

— Я — это и есть время.

Секунд десять она молчала.

— Мало кто из прозаиков соглашается сразу, — она издала шепот, похожий на смешок. — Вы — люди здравомыслящие. Вот поэты бросаются, как самоубийцы с моста.

— Пугающая метафора. И что, они все танцуют для тебя голыми?

— Нет. У них другие... задания. Этот квест специально для тебя.

— А зачем вам... тебе это нужно?

— Банальный обмен энергиями. Что-то вроде ритуала. Ты даешь мне силу своего страдания, я даю тебе вдохновение. Вот и все.

— Жертвоприношение?

— Но без диких и кровавых расправ. Терпеть не могу антисанитарию. Да и не эстетично. Мне нужны более тонкие энергии, понимаешь. Сублимировать страдание смерти способен какой-нибудь Сварог. Но не я.

— Если я соглашусь, мы должны начать прямо сегодня?

— Да.

— А потом? Я всю жизнь буду танцевать перед тобой со спущенными штанами?

— Если твое страдание затрется, придется придумать что-то новое.

— К тебе приходили все великие писатели? Толстой, Достоевский?

— Да.

— Какие у них были страдания?

— Этого я не могу сказать. Профессиональная тайна. Но, думаю, если внимательно их читать, многое становится очевидным.

— Страх смерти?

Она задумчиво кивнула.

— Одно из самых плодотворных страданий. Страх смерти, одиночества, потери близких. Всем полезно время от времени освежать подобные переживания. Отрезвляет, делает яркими краски мира. Так что... твои спущенные штаны — это детский сад. Но я уверена, это только начало.

Меня задело ее пренебрежение к детской истории и моему паническому страху. В воображении заиграла песня «Яблочко», я представил, как снимаю штаны и делаю перед ней коленца, и сердце заколотилось в ушах. Снова перестало хватать воздуха.

— Это глупо, — задыхаясь, сказал я. — Я уйду. До свидания.

Я встал, сделал шаг к выходу, потом вернулся и допил кофе. Она неподвижно смотрела в огонь.

— Вы психопатка. А никакая не богиня. Надеюсь, что больше не встречу вас.

— Я же прос-с-с-сила... На ты.

Я бежал. Темный коридор показался мне очень длинным. Дверей в кухню я так и не увидел. Но были другие двери, в комнаты

с красным освещением, где извивались голые женщины и громахала безрадостная, лишенная всякого воздуха музыка. Она мешала мне нормально дышать, сбивая дурацким ритмом стук сердца. Мне становилось все хуже. Рубашка на спине взмокла. Темнота змеилась тошнотворными ромбиками. Я прислонился к стене. Она показалась склизкой, и я с отвращением отпрянул. Побежал, уже ничего не разбирая. Из какой-то двери вынырнул человек в желтой форме Яндекс-доставки. Он маячил впереди, как ориентир. Я шел за ним, мы несколько раз сворачивали и поднимались, и вдруг вынырнули в колодец двора. Ни вывески, ни застекленных залов. Многоэтажки с ослепшими глазами-окнами. И луна, круглая, хищная, со змееподобным, вытянутым и лобастым лицом Славы.

Несмотря на все пережитое, в тот вечер я начал новый роман. Он переливался словами и выкристаллизовывался в предложения, абзацы, главы. Ни разу до этого я не испытывал такого творческого упоения. Герои жили сами, и мне не требовалось ни мучительно что-то про них выдумывать, ни выстраивать композицию или сюжетные ходы. Я уже заранее все видел, и в момент записывания на бумагу требовалось только внимательно следить. Но и это было не сложно, а наоборот, восхитительно. Ощущать сразу всех, питаться их чувствами, проживать одновременно все жизни. Реальное отдалилось, почти переставая существовать, и у меня ни разу не возникло даже мысли зайти в интернет и полистать ленту. Это было тотально захватывающее и божественное состояние потока.

Через пару недель оно стало иссякать. Сперва я перестал понимать героев. Нет, умом я по-прежнему понимал, как тот или иной персонаж должен поступить, чтобы это выглядело логично. Но ощущение самого героя ушло. И сразу как-то затуманилась общая картина, все это множество развернутых во времени рядов. Я стал корить себя за то, что не составил плана тогда, когда еще ясно видел. Сейчас я мог бы просто писать пункт за пунктом. Да, пока я еще продолжал, но выходило предсказуемо и шаблонно, будто мои герои превратились в персонажей сериала на канале «Россия-1». В конце концов сами слова стали пустыми, закостенелыми, лишенными жизни. Текст больше не дышал. Он сдох и начинал пованивать. Продолжать писать его

было все равно, что волочить разлагающийся труп. Я отчаялся. Часами сидел перед монитором и смотрел в него, как в тупик, в стену, об которую хочется с разбега разможжить голову.

От тоски и болезненного, зудящего любопытства я дни напролет просматривал страницы известных писателей. Женщин с именем Слава среди их друзей встречалось немного. «Слава» могло быть сокращением от Ярославы или Мирославы. Но и среди них не было моей.

Моей. Мысленно я уже называл ее так. Моей хозяйкой, повелительницей, музой. Не о ней ли написал Блок: «Есть в напевах твоих сокровенных роковая о гибели весть. Есть проклятье заветов священных, поругание счастья есть». Да, все это действительно было в том болезненном взаимодействии, который она предлагала. Но оно стоило того. Этот наркотик подсаживал с первого раза.

Книжный фестиваль на Красной площади сопровождался духотой, тополиным пухом и антиковидными мерами третьей волны. Но фестиваль все же не отменили. В отличие от «Нашествия» и «Дикой мяты». Конечно, организатор книжной ярмарки — Министерство с длинным и бездарным названием: цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. Меня почему-то злил этот факт. Впрочем, меня раздражало многое. Я стал болезненно восприимчив ко всякой ерунде, ничто не радовало, казалось пустым, пресным, а порой тошнотворным.

Издательство, выпустившее мой роман, почему-то меня не пригласило. Для меня не организовали ни встречу с читателями, ни участие в каком-либо из многочисленных круглых столов, дискуссий и лекций. Про меня забыли. Мне пришлось выпрашивать для себя приглашение, которое, «накормив завтраками», так и не прислали. Это было унижительно. Вот так буквально за полгода заслуги стерлись, и нужно было снова стучаться в закрытые двери. Разозлившись, я плюнул на издателей, мысленно пообещав отомстить при первой возможности. Я отправился как обычный посетитель, пройдя регистрацию и приобретя билеты на каждый из четырех фестивальных дней.

В первый день я встретил множество знакомых по литературным студиям и союзам, послушал лекции о литературе, науке,

подростковой поэзии. Один популярный автор рассказывал, как написать роман. Я слушал его советы, вспоминал тупик белого монитора, в который упиралось мое сознание последние недели, и еле сдерживал истерический смех. Все приемы, о которых он столь красноречиво рассказывал, не стоили выеденного яйца, если душа не озарена хотя бы отсветом вдохновения, если в сознании отсутствует хотя бы небольшой просвет между тяжелыми мыслями и телесным, просвет, сквозь который струится божественная, одухотворяющая слова энергия. Автору просто необходимо внутри это светящееся ясным светом восприимчивое пространство. Милосердная пустота, вглядываясь в которую начинаешь видеть героев, истории и взаимосвязь всего.

Второй день был скучный. Все то же самое: толпа, жара, превращение от масок и духоты лица. Я опять бродил и слушал лекции. На третий день искания приобрели привкус одержимости. Я наматывал круги между рядами, выискивая ее. Темнело. Народ начал расходиться. Охранники принужденно, будто подталкивая взглядом к выходу, смотрели вслед. И я вдруг понял, что весь день ни разу не вспомнил о воде или еде, и теперь едва держался на ногах. Мне просто жизненно необходимо было ее встретить.

Это произошло в последний день. Я брел по брусчатке Красной площади, будто по ландшафту иного мира. В висках стучало. Кажется, я опять весь день не пил и не ел. Должно быть, от голода и усталости что-то сделалось с моим восприятием, мне чудилось, что красноватая дымка поднимается от камней. От людей остались тени с темными дырами вместо глаз и провалами ртов. Красноватая вязкая роса, похожая на загустевшую венозную кровь, выступила на стенах Кремля. Мавзолей, эта мрачная гробница неизвестного бога, дрожала в раскаленном воздухе словно марево. Мрак дверей, казалось, всасывал в себя проблески жизни. Я ужаснулся — что со мной? Я умер? Кого я ищу в аду?

Она возлежала на возвышении, как на пьедестале. Женщина-ящерица, женщина-змея. Или множество змей, извивающихся вокруг драконьего тела. Скрученное кольцами, оно беспрестанно двигалось с металлическим шелестом трущейся чешуи. Внизу,

в основании пьедестала я увидел нескольких известных писателей и множество других, рангом пониже. Каждого их них окружала аура — красная энергия, тянущаяся к ним от множества людей на площади и за ее пределами. Они как бы собирали ее и подносили своей змееподобной богине.

Писатели трепетали, как тени обычных людей, разве что чуть более насыщенные по цвету, похожие на языки синевато-красного пламени. Но было в них что-то извивающееся от богини. Всем им она, склоняясь, по очереди капала в рот яд, который белой росой сбегал с ее языка. Они собрались здесь, на Красной площади, чтобы отслужить мессу, совершить жертвоприношение и показаться друг другу в истинном, обнаженном виде. А может, это лишь моя галлюцинация? И остальные видят только милую престарелую женщину со светлыми волосами на прямой пробор, которую пришли поприветствовать известные писатели. Это было не важно. Главное, что меня заботило — я хотел быть среди них, я хотел стать среди них первым. Расталкивая всех локтями, я лез в середину, к ней.

— Мне, мне! — хрипел я как одержимый. — Я готов, готов.

Приближаясь, я расстегивал на ходу штаны.

— Эх, яблочко, куды котишься, — хрипло запел я, — ко мне в рот попадешь, не воротись!

